

А. Герцен

Крещеная собственность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Герцен**
Крещенная собственность / А. Герцен – М.: Книга по Требованию, 2023. –
58 с.

ISBN 978-5-518-10956-8

ISBN 978-5-518-10956-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

—

Три года тому назадъ дѣлая первые опыты русскихъ изданій въ Лондонѣ, я напечаталъ небольшой отрывокъ о крѣпостномъ состояніи подъ заглавіемъ “Крещеная Собственность”. Я не придаю никакой важности этой брошюрѣ, напротивъ, нахожу ее весьма недостаточной, но изданіе разошлось, Г. С. Тхоржевскій изъявилъ мнѣ свое желаніе сдѣлать новое—я не счелъ нужнымъ не предоставить ему этого права.

Много событій совершилось въ Россіи въ эти три года, но крѣпостное состояніе осталось какъ было —язвой, пятномъ, тѣмъ безобразіемъ русскаго быта — которое смиряетъ насъ и заставляетъ краснѣя и съ по-

никнувшей головой признаться, что мы ниже всѣхъ народовъ въ Европѣ.

Съ какимъ теплымъ упованьемъ, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ ждали мы послѣ смѣрти Николая тѣхъ возможныхъ, общечеловѣческихъ перемѣнъ, которыя можно было совершить безъ потрясающихъ переворотовъ, однимъ уразумѣніемъ своего смысла и своего призванія—со стороны правительства. Изъ дали нашего изгнанія мы смотрѣли съ надеждой и безъ малѣйшей желчи. Сначала мѣшала война . . . Прошла война—ничего!— Все отложено до коронаціи . . . прошла и коронація— все ничего!— И новое царствованіе вступило въ свой ежедневный обиходъ. Всѣ реформы до сихъ поръ ограничиваются фразами, и далѣе риторики не идутъ.

А вѣдь какъ было легко сдѣлать чудеса— вотъ что непростительно, вотъ чего мы не можемъ вынести. У насъ сердце обливается кровью и досада кипитъ въ груди, когда мы думаемъ—чѣмъ могла бы быть Россія при

выходѣ изъ мрачнаго царствованія Николая, разбуженная войной, призванная къ сознанию—безъ ошейника рабства на шеѣ; какъ быстро, какъ самобытно и мощно могла она двинуться впередъ.

Нѣтъ даже начала освобожденія крестьянъ, — этой первой азбуки гражданскаго развитія. Зачѣмъ подымались ополченцы, зачѣмъ мужикъ несъ свой трудъ — свою копѣйку, свою кровь въ защиту бездушному престолу, который съ лепетомъ о своей благодарности, возвратилъ его розгамъ господина и каторжной работѣ на барщинѣ.

Говорятъ, что теперешній царь—добръ. Можетъ быть, того свирѣлаго гоненія, которое составляетъ характеръ прошлаго царствованія — нѣтъ, и мы первые душевно рады повторять эго.

Но вѣдь этого мало, вѣдь это еще отрицательное достоинство. Недостаточно еще не дѣлать зла, имѣя такія средства дѣлать добро, которыхъ уже нѣтъ ни у одной

монархической власти въ Европѣ. Да онъ не знаетъ какъ принята, что дѣлать.

А сказать некому. Вотъ оно результатъ насильственнаго молчанія, вотъ что значить вырвать языкъ у народа и повѣсить замокъ на его губы. Зимній дворецъ окруженъ царствомъ нѣмоты, а въ немъ говорятъ одни николаевскіе генералъ-адъютанты. Конечно не они расскажутъ о вѣяніи современнаго духа, и не черезъ нихъ услышитъ Александръ II стонъ русскаго народа.

Чтобы слышать его, чтобы знать зло и средства его искоренить, теперь не нужно ходить какъ Гарунъ-аль-Рашидъ подь окнами своихъ подданныхъ. Для этого стоитъ снять позорную цѣпь цензуры, пятнающую слово, прежде, нежели оно сказано. И тотъ же Смирдинъ или Глазуновъ, который доставляетъ прочимъ смертнымъ книги, доведеть до царя голосъ его народа.

Но этого то и не хотятъ — закоренѣлые въ рабствѣ слуги Николая.

Они погубятъ Александра — и какъ жаль его! Жаль за его доброе сердце, за вѣру, которую мы въ него имѣли, за слезы, которыя онъ нѣсколько разъ проливалъ. . .

Люди эти его втянутъ въ старую рутину, усыпятъ ложью, испугаютъ невозможностью, вовлекутъ снова во внѣшнія дѣла чтобъ отвести отъ внутреннихъ. Все это дѣлается уже теперь.

Съ какой стати соваться въ неаполитанскій вопросъ? Есть дѣла, въ которыя честные люди не мѣшаются; есть союзы, которые пятнаютъ, которые шли Николаю и отвратительны для Александра. Пора разстаться съ несчастной мыслью, что призваніе Россіи служить опорой всякому насилью, всякому тиранству.

Только было другіе народы начали меньше враждебно смотрѣть на Россію, — какъ на смѣхъ имъ старая дипломатія привязала русскаго императора къ одному позорному столбу съ коронованнымъ Лаццарони. Какая

неосторожность, какое отсутствіе такта, какое отсутствіе любви къ Россіи и къ нему.

А дома еще разъ обманутой крестьянинъ, тащится на господское поле, посылаетъ сына во дворъ, — это ужасно! Правительство знаетъ, что обойти задачу освобожденія крестьянъ съ землею невозможно. Совѣсть, нравственное сознаніе Россіи требуютъ рѣшить ее. Что же выигрываетъ оно оттягивая вопросъ, откладывая его на завтра...?

Когда мы говорили что эта трусость передъ необходимостію, что эта безхарактерная медлительность дойдетъ до того, что вопросъ разрѣшится топоромъ крестьянина и умоляли правительство спасти его отъ будущихъ преступленій, добрые люди подняли крикъ ужаса и обвинили насъ же въ любви къ кровавымъ мѣрамъ.

Это ложь, это намѣренное непониманье. Когда врачъ предостерегаетъ больного въ страшныхъ послѣдствіяхъ болѣзни, развѣ это значитъ что онъ ихъ любитъ, что онъ ихъ вызываетъ? — Что за дѣтское возрѣніе.

Нѣтъ, мы слишкомъ много видѣли и слишкомъ близко, какъ ужасны кровавые перевороты — и какъ плоды ихъ бываютъ искажены, чтобъ съ свирѣпой радостію накликивать ихъ.

Мы просто указывали куда эти господа идутъ и куда ведутъ. Пусть они знаютъ, что если ни правительство, ни помѣщики ничего не сдѣлаютъ — сдѣлаетъ топоръ. Пусть и Государь знаетъ, что отъ него зависитъ, чтобъ русскій крестьянинъ не вынималъ его изъ за своего кушака!

Но вѣдь для этого надобно что нибудь дѣлать, а не отдавать вопроса и не отворачиваться отъ его послѣдствій.

И—ръ.

25 Октября 1856, Путней.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ я безконечно любилъ наши села и деревни, я готовъ былъ цѣлые часы, лежа гдѣ нибудь подъ березой или липой смотрѣть на почернѣлый рядъ скромныхъ, бревенчатыхъ избъ, тѣсно прислоненныхъ другъ къ другу, лучше готовыхъ вмѣстѣ сгорѣть, нежели распастся; слушать заунывныя пѣсни раздающіяся во всякое время дня, вблизи, вдали . . . съ полей несетъ сытнымъ дымомъ авиновъ, свѣжимъ сѣномъ, изъ лѣсу вѣть смолистой хвоей и скрипитъ запрещенный колодезь опуская бадью и гремитъ по мосту порожняя телѣга, подгоняемая молодецкимъ окрикомъ . . . .

Въ нашей бѣдной, сѣверной, долинной природѣ есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему

сердцу. Сельскіе виды наши не задвинулись въ моей памяти ни видомъ Соренто, ни Римской кампаніей, ни насупившимся Альпами, ни богато воздѣланными фермами Англіи. Наши безколечные луга, покрытые ровной зеленью успокоительно хороши, въ нашей стѣлящейся природѣ что то мирное, довѣрчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное. Что то такое что поется въ русской пѣсни, что кровно отзывается въ русскомъ сердцѣ.

И какой славный народъ живетъ въ этихъ селахъ. Мнѣ не случалось еще встрѣчать такихъ крестьянъ какъ наши Великорусы и Украинцы.

Оно и не мудрено. Жизнь европейская преобрегаала деревней, она бойко шла въ замкѣ, потомъ въ городѣ, деревня служила пастбищемъ, кормомъ. Западной крестьянинъ выродившійся Кельтъ, побѣжденный Галль Германецъ побитый другимъ Германцемъ. По городамъ побѣдители мѣшались съ побѣжденными; съ земледѣльцами никто не мѣшался, пока они оставались земледѣльцами. Тамъ гдѣ побѣда пронеслась надъ головой прежняго населенія, не осѣла на немъ или не